

**ВЛАДИСЛАВ
ВЫСТАВНОЙ**

СНЫ ЖЕЛЕЗОБЕТОНА

ТРИТОНЪ

ЛАБИРИНТ

Владислав Валерьевич Выставной

Сны железобетона

Текст книги предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132896

Выставной В. Сны Железобетона: АСТ, Транзиткнига; М.; 2006

ISBN 5-17-034295-0

Аннотация

Захлебывающийся от сытости городок, в котором начинают происходить странные вещи... Загадочный диджей проводит дискотеки в полной тишине – и сотни людей танцуют, повинясь ритму его рук... Члены то ли молодежной банды, то ли секты, зовущие себя «истребителями машин», смертельно опасными трюками на роликах провоцируют все новые и новые автокатастрофы... Ходят слухи о неких «жертвоприношениях», совершаемых при помощи игрушек, – однако подлинной информации нет ни у кого. Следователь, ведущий дело об убийстве мэра городка, совершенном «истребителями машин», постепенно понимает – молчаливые дискотеки, таинственные жертвоприношения и деяния «истребителей» – звенья одной цепи. Но – где ее первое звено?!

Содержание

КОЛЫБЕЛЬНАЯ	4
ПОЛУДРЕМА	6
ПЕРВЫЙ СОН	34
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владислав ВЫСТАВНОЙ СНЫ ЖЕЛЕЗОБЕТОНА

Он —
Материал твоей жизни,
Результат твоей любви.
Он у тебя в крови,
Можешь молчать – молчи,
Нет сил молчать – говори,
Все равно он один у тебя внутри,
Не веришь – сердце свое разорви
И смотри,
С каким трудом
Перемешивается твоим сердцем
Он,
Тот, что из цемента и щебня
Не нами и не для нас сотворен —
Железобетон...

Начитано вокалистом «Структуры» на закрытом концерте

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мальчик сидел на куче песка. Это был отличный песок, чистый, в меру сырой, отчего он легко принимал фантастическую форму стен нового города.

У ног мальчика вперемешку с песком лежали желуди.

Мальчик брал их поочередно, внимательно осматривал и расставлял на разглаженной поверхности у подножия города, в одном ему известном порядке.

Подошел отец, опустился на колени и взял горсть желудей.

– Ну что, мелкий, помочь? Давай-ка украсим стены! –

Отец принялся нарочито серьезно, но как-то неловко втыкать желуди в осыпающуюся стену, составляя из них какой-то узор.

– Ты чего, папа, – воскликнул мальчик. – Это же люди! А ты их в стену!..

– Да? Как же я не догадался, – слегка смутился отец. – Значит, это твоя армия?

– Это вражеская армия, неужели не видишь? – пожал плечами сын.

– Тогда мы построим их легионами, и пусть они идут на штурм крепости, вот только бумажки отсюда уберем...

– Папа, это никакие не бумажки, это флаги!

– Гм... Ну а ведерко тут зачем?

– И не ведерко это вовсе, а башня!

– А что тогда совок?

– Это подъемный мост! Папа, неужели ты **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ВИДИШЬ?**..

ПОЛУДРЕМА

На этот раз истребитель машин достаточно долго ждал хорошего повода размяться. Стада железных зверей наполняли жизнью высохшее русло проспекта, расталкивая друг друга и обдавая людей тяжелой бензиновой испариной. Застывшие в ожидании жертвы червоточины жадно разинутых люков разбивали звериную реку на беспорядочные ручейки.

Линк стоял упершись спиной в фонарный столб, а пяткой ролика – в разбитый асфальт. Темнело, но Линку не приходило в голову снять обтекаемые очки-лисички. Без темных очков мир теряет большую часть своей таинственности, и Линку уже не так интересно смотреть вовне. Он лениво потягивал «Адреналин раш» из узкой банки, поочередно бросая равнодушный взгляд то на рекламные картинки здорового «антареса», то на дорогу под ним. Во всей позе и в движениях он являл миру свое полное к нему безразличие. Лишь иногда под неподвижными стеклами очков вспыхивала искорка интереса – чисто охотничьего.

...А между тем ситуация, похоже, менялась. К перекрестку с надрывным гулом приближалась тонированная «в ноль» черная «десятка». Это было то, что надо – наивный показной тюнинг, выпирающие, словно выдавливаемые изнутри колеса, флаг в черно-белую клетку на капоте – характерный набор – за рулем скорее всего самонадеянный «лох».

Линк напрягся на долю секунды – инстинктивно оценивая ситуацию. Ответ явился мгновенно: «Да!»

Линк оттолкнулся от столба и принялся «нарезать» тротуар, мастерски лавируя между прохожими. Кашляющий гул сзади нарастал. Обернувшись, истребитель оттолкнулся рукой от бетонной тумбы и взлетел на перила ограждения. Эффектно скользнув по перилам, содрав с них полосы краски, Линк снова оказался на земле – но на этот раз уже на дороге – прямо перед истошно ревущей «ладой» – и на миг замер в своей коронной позе – той, с которой он мог одинаково легко уйти как вправо, так и влево...

Уходить пришлось вправо, в «карман» между «КамАЗом» и троллейбусом. «Десятка», истерично визжа, пошла юзом и, снеся пару панелей ограждения, врезалась в столб и задымилась. И тут же была припечатана сзади неизвестно откуда вынырнувшей «шестеркой».

Линк, вцепившийся руками в какую-то железку, заменявшую «КамАЗу» бампер, поджав растянутую ногу, скользил на одном ролике, дикими глазами смотря назад. Под очками этого взгляда видно не было, да и смотреть на него было некому. Главное для истребителя – быстрый отход. «Куул!...» – выдохнул Линк и ушел влево, на встречную. Вильнув между машинами, одновременно втыкая в уши «вкладыши» «сидишника», он перемахнул через заграждение на другой стороне, и красная надпись на рюкзаке «Поймай меня, если сможешь» исчезла из виду...

– Ну, чё сегодня? – прыгнув со ступеньки постамента, спросил Банан. Вокруг памятника нарезали круги Синюк и Стерва. Пушкин, игнорируя роллеров, презрительно смотрел в сторону. Вместо ответа Линк достал из кармана и продемонстрировал пластмассовую «модельку» «десятки». Подумав, из другого кармана достал такую же «шестерку».

– Стандарт, – констатировал Банан. – Вон посмотри, что у Стервы.

На мраморной ступеньке валялись игрушечная, раскрашенная под «скорую» «Газель» и маленький красный «Икарус». Присмотревшись, под «Икарусом» Линк заметил желтый мотоцикл с приклеенным к нему лохматым медведем.

– Ого, – с легким испугом, смешанным с завистью, выдохнул Линк, – за раз?

– Не-а, – протянула незаметно подкатившая Стерва. – Байкера я кинула отдельно. Не вписался в переулок, бедняга... Но жить будет.

– Это правда была «скорая»? – неодобрительно спросил Линк.

– Маршрутка. А, фигня – просто опрокинулась, – махнула рукой Стерва. – Все нормуль! Но шоу было еще то, в натуре! Прикинь – «Икарус» – прямо в парикмахерскую! Во было визга! Пыль, стекло! А какая-то дура, сидит в бигуди, орет, а сама в автобусное зеркало пялится, волосы поправляет, во маразм!..

– Ну что, хватит для НЕГО? – спросил Синюк и подтащил

поближе свой большой, непомерно раздутый рюкзак. Три не менее пухлых рюкзака развалились тут же на ступеньках. Из-под оторванных «молний» торчали пластмассовые колеса, дверцы, фары.

– Теперь, я думаю, да, – окинув все это взглядом, заключил Банан.

...Каток был огромный, грязный. Облупившаяся желтая краска явно наносилась кистью или валиком. Когда-то белых трафаретных букв маркировки почти не было видно. Каток приближался, и его неясные очертания колыхались в мареве, восходившем от горячего асфальта.

ОН давил Землю, сравнивал ее с тем, на чем она покоилась, делая из плоской тверди чуть ли не вогнутую... Линку представилось, как ОН медленно катится по планете, а скалы и горы с хрустом крошатся под железными барабанами, и сзади остается только ровная, уходящая к горизонту асфальтовая полоса...

Каток медленно приближался к дымящемуся слою свеженасыпанного асфальта. На асфальте четырьмя рядами, словно на автобане, стояли пластмассовые легковушки, грузовички, автобусы. Вот он подпер ближе и беззвучно накрыл их собою. Хрустнуло, и ОН прополз мимо истребителей, оставляя в ровном асфальте странный пунктирный след.

– Прими наш скромный дар, Создатель дорог, – торжественно и тихо произнес Банан, провожая взглядом пустое

водительское кресло с обрывками кожзаменителя...

– Ну, вот примерно так, товарищ прокурор...

– Можно просто по имени-отчеству, гражданин Следователь, хе-хе... Я все, конечно, понимаю, и не такое бывает, но откуда у вас тут какой-то каток без водителя? Должен же был быть кто-то за рулем или там за рычагами сидеть? Может, это они сами, эти... как их... истребители, или как вы их называете?

– Возможно, но, по-моему, это не меняет сути дела...

– Как это не меняет, когда у нас, может быть, взрослый свидетель? Я вообще, честно говоря, не вижу особой связи между описанными вами авариями и этими вашими же игрушками. По-моему, обыкновенное хулиганство, что уже не в нашей компетенции. Жертв ведь пока, слава Богу, нет?

– Нет. Пока. Только травмы...

– Вот, я и говорю: пускай МВД разбирается. Зачем вся эта мистика?

– Я же сказал уже, товарищ... э-э... прокурор, что спецы проанализировали ДТП, которые произошли сверх обычной месячной нормы и количество игрушек. Еще раз подчеркиваю: модели игрушек и оригиналов практически совпадают...

– По-моему, вы, простите, за уши подтягиваете факты под имеющиеся у вас версии. Вам ведь просто кто-то дал наводку, я прав? И в действительности там не просто хулиганы?

– Ну... Да, в общем-то... Из журналистских кругов нашептали... Нам кажется, что это один из эпизодов деятельности то ли какой-то секты, то ли молодежной группировки... И вот представители церкви жаловались...

– М-да... Интересные вещи происходят в нашем городе... Весьма интересные... Представители церкви... Хм... Вот раньше, когда у руля была партия, почему-то такой экзотики не наблюдалось. Все было тихо, спокойно. Раскрываемость какая была, а? Красота! Работали крепко, ух! Четко все было: украл, выпил, сел. Убил – и к стенке. А теперь чуть что – следователи охают, хватаются за голову и бегут к экстрасенсам. Профессионализм падает, что ли? Не понятно, не понятно... Как вы считаете?

– Я считаю, что при партии было довольно тоскливо... Скучно, я бы сказал. Хотя, я думаю, на многие вещи просто закрывали глаза...

– Да уж... Теперь скуку как рукой сняло, а? Что делают, что творят? И главное – зачем? Ну, что им не сидится, а? Уровень жизни как-никак растет, с голодухи не пухнут, на ролики, вон, денег хватает! На плееры всякие... Так нет же: что для молодежи ни делай, она все равно сделает по своему, причем так, чтобы непременно вогнать взрослых в ступор. Вот раздай всем по миллиону – так они специально в рубища оденутся, перестанут мыться и будут деньгами костры разжигать! Какой тут может быть правопорядок – без крепкой руки да без комсомола?..

– Мне кажется, что дело прокуратуры – контролировать соблюдение законности. Остальное нас не касается...

– Правильно, Следователь, правильно! А как определишь, соблюдается ли законность, когда они вообще черт-те чем занимаются? Если не вообще понимаешь, что они творят и к чему ведут? Ладно, это все эмоции. Теперь конкретнее по вашим авариям... Тут Кавказом, случайно, не пахнет? Допустим, подстрекает кто малолеток? Может, безопасность подключить?

– И этого исключать нельзя. Хотя форсировать пока не стоит, пожалуй...

– Ну-ну, Следователь... Если что – вся ответственность на вас. Разбирайтесь. Только вот не надо мистики, а? Не надо...

После триумфального финала собеседования Миха наконец-то вырвался на воздух. Непонятно, чему больше радоваться – приему на работу или возможности расслабиться теперь аж до понедельника. Вот ведь как устроен человек: когда нет работы, больше всего мечтаешь ее заполучить, и безделье совершенно не радует. Но, получив работу, сразу же начинаешь мечтать об отпуске.

Предаваясь этим разгильдяйским мыслям, Миха брел по какому-то переулку и, несмотря на мерзко морозящий дождь, поедал мороженое в хрустящей обертке. Сам себе Миха символизировал торжество жизни и человеческого духа. Внезапно его взгляд уперся в нечто, что, подчеркнув тор-

жество жизни, заставило его усомниться в торжестве духа.

Прямо перед ним, несколько неопрятно одетых молодых людей с энтузиазмом запихивали в канализационный люк новенький телевизор. Покончив с телевизором, они принялись загружать туда компьютерные мониторы и системные блоки, около десятка которых вперемешку с проводами и каким-то хламом громоздилось вокруг на офисных стульях. Один из парней мельком взглянул на Миху и с сомнением переглянулся с товарищем. Миха решил, что всего этого, может, видеть и не следовало бы, а потому быстро свернул в какую-то арку и дал ходу.

Миха был заинтригован. «Что за прикол? Прячут награбленное? Или офис у них там? Сейчас такие цены за аренду, что неудивительно, если у кого-то бухгалтерия в канализации. А вот был бы номер, если бы мэрия подарила свое здание, допустим, детскому саду, а сама стала бы скромно работать в канализации, где ей – давайте смотреть правде в глаза – и место...»

Это ерундовое в общем-то зрелище почему-то тягостно отразилось на Михином настроении. Пытаясь разобраться в своих чувствах, Миха чуть было не споткнулся о маленького рыжего песика с таким собачьим достоинством, что тот более походил на самолет-торпедоносец. Песик взвизгнул и с достоинством удалился. Сплюнув, Миха вернулся к реальности.

Когда он добрал до «Лапландии», Борис с Лехой и Ксю-

шей уже развалились за пластиковым столиком, уставленным пивными банками и засыпанным сухариками из разорванных пакетиков.

– Получили твои эсэмэски. Поздравляем! – заметив Миху издали, крикнула Ксюша.

– Здоров, рабочий человек, – приветствовал Миху Леша. – Кто ты у нас теперь?

– Старший помощник младшего повара, – отбрыкивался Миха и лез в груды хрустящих пакетов за пивом. – Э, народ, вы что, изуверцы, пива мне не оставили?

– Это мы от волнения за тебя, дорогой! Чтобы кулаки крепче держались...

Рядом раздался глухой, но приятный аж на уровне подсознания звук: это незаметно подошедший сзади Борис грохнул на стол охапку бутылок. Приятность звука определялась полнотой и содержимым этих темных, интимно запотевших пивных сосудов...

– Здрасс-се вам! М-м?! – последнее было его обращением к Михе.

– М-м! – утвердительно ответил Миха, и Борис, проникновенно глядя в Михины глаза, с чувством пожал ему руку.

Предвкушая потерев руки, Леша с Борисом принялись открывать бутылки.

Пиво водопадами вливалось в молодые глотки. Ксюха, даром что такая хрупкая с виду девушка, стойко держалась ли-

дером. Окрестности оглашало молодецкое ржание, анекдоты чередовались с грубыми пивными тостами.

Вот это жизнь! Девчонок только вот не хватает? (Ксюха не в счет – она слишком свой парень... Хотя... А почему бы и не Ксюха?..)

В эротическо-теоретические Михины построения ворвался очередной звуковой всплеск – хохотал Борис.

– О чем истерика? – поинтересовался Миха.

– Да Леха тут выдал – по поводу этих – слышал? – истребителей машин. Говорит, мы уже давно живем в конце света...

– Ну и что? С тех пор как Леха снял свою последнюю хату, он живет не то что в конце, а еще подальше... А что там истребители снова учудили?

– Восемь аварий за один день! По телику говорят, мэр грозитя ролики запретить...

– Да ну, на фиг! Это ж бред... Это ж явно какая-то банда...

– Ну, так банду ж искать надо... Проще ва-аще все запретить и доложить, мол, меры приняты...

– А тебе, Леха, что не нравится? Ну банда, ну машины бьют, тебе и беспокоиться не о чем, машины-то у тебя нет – при чем тут конец света?.. Я думаю, это просто творческий кризис у тебя. Потому что пьешь нерегулярно...

– Да вы ничего не понимаете, – Леха ничуть не обиделся. – Людей с душами становится вокруг все меньше – прямо на глазах исчезают. Погодите, скоро и истребители эти

покажутся детским садом...

Миха с Борисом дружно хрюкнули и «чекнулись» пластиковыми стаканчиками.

– Леха у нас романтик! – глядя на Леху, задумчиво протянула Ксюха... – Возьми меня замуж, а?

Леха слегка напряженно посмотрел на Ксюху, потом вдруг улыбнулся и, обмякнув, осел в пластиковом кресле.

– Мне пятьдесят граммов водки и «Б-52»!!! – в третий раз проорал Миха, и бармен его наконец услышал. Бармен был в белой рубашке, чем здорово контрастировал с дискотечной атмосферой. Но всем на это было наплевать и за выпивку охотно платили втридорога, если, конечно, не ухитрились пронести ее с улицы в карманах, рукавах и более интимными способами. Если к тому же удавалось преодолеть фэйс- и дресс-контроль. Правда, и секьюрити с усталыми лицами не упускали случая произвести обыск входящих, особенно смазливых девчонок.

Музон был вполне приличный, настроение тоже ничего. Жаль, что скоро на работу.

Миха с трудом продвигался среди танцующих. Хотя и было уже около трех ночи, толпа колбасилась изрядная. Диджеи крутили уж на редкость монотонные миксы, и покачиваться, не выбиваясь из ритма, становилось легче. Наступало время, когда у «колбасящихся» включался «автопилот».

– На! – Миха передал банку Ксюхе и вопросительно по-

смотрел на Леху. Леха, пошло ухмыльнувшись, придвинул к себе пару тяжелых стаканов из-под «отвертки» и ловко провёл над ними рукой. Тонкая струйка из мешковатого рукава моментально их наполнила.

...Приняв еще пятьдесят, Миха решил, что уже хватит и пора домой. Он совершенно не представлял, каким будет сегодняшний, рабочий уже день (между прочим, первый на новом месте). Он тупо смотрел на коренастую девчушку в огромной кепке, что, не сходя с места, с маниакальным упорством дергалась уже третий час подряд.

Рядом, прямо на полу, развалилась компания тинейджеров. Как и полагается, они разливали под столиком загодя принесенную водку, но почему-то не спешили выползать на танцпол. Судя по их поведению, сама дискотека их не слишком интересовала. Это не было равнодушие той категории молодых людей, особенно южной национальности, что приходят на дискотеку исключительно с целью подцепить падкую на халяву подружку. Девчонки из этой компании также явно не относились к категории снимаемых: не было в их глазах томного изучения объекта. В них были нетерпение и жажда – но не секса. Все это показалось Михе подозрительным.

«Неужто теракт готовят, – мутно подумал он. – А может, драка намечается?»

Эм-си между тем разорялся:

– Привет, город! Сегодня за пультом для вас работают

наши гости – диджей из Лондона! Да-да! Вот они, смотрите! Этот косматый мюзик-комбайн у себя на родине зовется Animal. Мы называем его просто – Зверь, потому что за пультом он просто животное какое-то, и танцпол это уже, наверное, почувствовал!

«Животное» тряхнуло гривой и принялось миксовать какую-то хитрую композицию. Звук нарастал, танцпол восторженно орал.

– А имя этого толстого лысого мальчика совершенно непереводимо, поэтому мы зовем его ласково и понятно – Боров!

Боров приветственно повел складчатой шеей и прибавил еще звука. Вокруг взревели реактивные истребители. Хрипнули колонки. Хрустнули перепонки. Стробоскоп очередью ударил по глазам. Танцпол неистовствовал.

Миха влил в себя еще пятьдесят и нетвердо двинулся в толпу. Ксюха «зажигала» в центре. Вокруг нее топталась стайка малолеток с похотливыми в ее адрес взглядами. Ксюху это не смущало, скорее наоборот. Тут же в сторонке переминался с ноги на ногу великий, но пьяный танцор Борис.

...Как здорово, что мы молоды, независимы и пьяны! Мы будем «зажигать» до утра, а потом еще и на работу пойдем – и заработаем все деньги мира! Все вино льется для НАС, всю музыку сочиняют, чтобы МЫ оценили ее, все дискотеки НАШИ!..

В восторженные и сумбурные мысли Михи ворвался голос

Эм-си.

– Эй, город, как отдыхаем?

– А-а-а!..

– Я не слышу!

– А-а-а!!!

– Ага! Отлично! Ну и сейчас, как вы все и ждали, играть для вас будет самый модный диджей последней недели... – Эм-си не успел сделать эффектную паузу, как сидевшие на полу подростки вскочили и завизжали размахивая руками и заглушая говорившего. – Короче, Микстурпатор!

...Тишина ударила по ушам, словно кувалда. Музыка не просто оборвалась – она исчезла, как будто никогда никакой музыки в природе и не было. Ни один из только что кричавших и свистевших не издавал теперь ни звука. Все счастливыми лицами обратились к диджеевскому пульта, прямо перед которым в свете прожекторов и клубах искусственного дыма возник человек в синем рабочем комбинезоне и оранжевой каске.

Он поднял над головой руки и, словно фокусник, произвел какие-то неуловимые пассы, в такт которым толпа вдруг колыхнулась и принялась совершать неправдоподобно ритмичные движения, будто у всех в мозгах играла одна и та же мелодия. Обалдевший Миха с открытым ртом смотрел на это беззвучное шоу. Ксюха, счастливо улыбаясь, с закрытыми глазами следовала общему ритму. Даже великий танцор Борис, казалось, стал попадать в общий ритм этой безумной

пляски глухонемых.

Между тем человек в строительной робе под неуловимо пошленьким псевдонимом Микстурпатор непостижимым образом управлялся с танцполом безо всякой помощи микшерского пульта. За его спиной, словно сомнамбулы, конвульсивно дергались диджеи. Его руки в брезентовых рукавицах совершали ритмичные движения, выполняя, видимо, дирижерские функции, то ускоряя, то замедляя немое кино этой бредовой дискотеки... Свет точно следовал ритму танца, что еще больше добавляло в образ человека в каске некой карикатурной мистики...

...Шуршание одежды и скрип танцпола, пробившиеся сквозь отупление слуха, отступающее после долбящей «кислоты», слегка привели Миху в чувство. Он дернул Ксюху за рукав и издал было какой-то вопросительный звук, но толпа сверкнула таким ненавидящим взглядом, что Миха попятился и переместился к своему столику, на котором мирно спал Леха. Танцующая Ксюха так и не открыла глаз.

– Да пойми ж ты, наконец, чудик – это же модно, это круто! Представляешь – такое ощущение, будто музыка внутри тебя! И у всех вокруг – тоже – вот это кайф!..

Ксюха вещала восторженно, но ее восторги Михе не передавались. Эта дискотека оставила у него на душе неприятный осадок. Но скорее всего именно в нем, в Михе, что-то было не так. Или что-то не так было вообще все вокруг?

Но почему-то ни Ксюха, ни Борис, ни вечный диссидент Ле-ха не разделяли его тревоги, считая ее изначально параноидальной.

– Просто ты у нас, Миха, нестабильный и инфернальный тип, – растолковывал ему Борис. – Ты слишком близко к сердцу принимаешь элементарные вещи...

– Идите вы подальше – «простые»! Танцевать в тишине – это нормально, по-вашему? И все вдруг, как один! Сто процентов – для большей части народа это был бы такой же сюрприз, как и для меня!..

– Почему? – пожал плечами Борис. – Нам вот Ксюхины друзья об этой фигне давным-давно рассказали... Да все об этом знают. Кроме тебя, оказывается...

– И что это за хрен в каске? – продолжал Миха. – Что за знаменитость такая с нифига объявилась?

– Заработался ты, Миха, – сочувственно сказал Борис. – Надо с людьми больше общаться, быть в курсе новых течений...

– Ну-ну. Короче, как хотите, мне все это не понравилось. Сам не пойму почему... С чего все это? Что за секты в городе стали как грибы расти? Что за истребители машин? Что это за офисы в канализации? Что это за пляски в тишине? И почему все в курсе, один я – нет?

– Что там – в канализации? – поинтересовалась Ксюха. Борис пожал плечами. Ксюха улыбалась...

Только Леха поднял грустные, словно у пса-бассета глаза

и сказал:

– А здесь нет никакой логики. Какая логика может быть у сна? Тем более нечеловеческого...

Наступила неловкая пауза. Борис шмыгнул носом. Молчание нарушила Ксюша.

– А хотите покажу кое-чего? – не очень уверенно предложила она. – Только пойдете отсюда. Голова от шума болит...

– Только тихо, – сказала Ксюша.

Все в нерешительности топтались у пролома в осыпающейся бетонной стене. Да, зрелище того стоило. И без того огромная чаша стадиона в темноте казалась просто чудовищной. Подсвеченные скудным светом опоры прожекторов наверху сливались с иссиня-черным небом. И здесь, не в пример иным городским местам, были видны звезды.

– И куда дальше? – спросил Борис. Оптимизма в его голосе не было. Упаднический был голосок. Трезвелось.

– Куда-куда! Туда! – противным голосом прогнусавила Ксюша и бодро, хотя и не очень ровно, направилась через пролом в центр стадиона. Похоже, эта затея уже ей самой переставала нравиться.

Из внешнего мира доносились голоса людей. Миха вспомнил милицейский «уазик» возле центрального входа. Призрак «обезьянника» нетвердой походкой уже бродил по вытоптанному газону.

Компания нерешительно потянулась следом за исчезаю-

щим силуэтом Ксюши.

– Ты, Ксюша, «козел-предатель», – в очередной раз споткнувшись, буркнул Миха.

– Сам ты козел! – возмущенно прошипела из темноты Ксюша.

– О'кей, коза, – невозмутимо продолжил Миха. – Это, понимаешь, такой козел... черт, яма... пардон, в нашем случае – коза, который... рая... водит за собой овец на бойню. Ты знаешь, – доверительно поделился он, – оказывается, овцы очень уважают козлов. Он у них типа лидер...

– Овца доверилась козлу... – пропел из мрака задумчивый Лешин голос. – Неплохое начало для песни. Надо «Сплину» предложить...

– Короче, пришли. Рассказывай!

– Давайте хоть на травку сядем. Какая-никакая, а природа...

Народ решительно плюхнулся на траву, кое-кто попытался даже закурить, но таковая попытка была немедленно пресечена Михой – «нас засекут, дебилы!..» Органически образовалась обстановка, располагающая к расслабленно-философской беседе. Вокруг был мрак, в голове была вата.

...Миха огляделся по сторонам. Гм... Это, безусловно, стоило преодоленных ста метров в темноте. Опишите, как хотите – жерло вулкана, Марианская впадина, руины замка Дракулы... Да, точно, развалины какого-то древнего и, как водится, титанического сооружения, безусловно, мистическо-

го назначения... Кто-то из умных давно заметил, что ночью вещи приобретают особый, не видимый днем смысл. В этом плане Центральный стадион не был исключением. Миху снова окатило неприятной волной предчувствия. Это не было предчувствием событий. Это было предчувствием наступающего понимания чего-то важного, на грани которого зачастую просыпаешься с ощущением потерянного ответа на все вопросы...

– Посмотрите наверх! – зловещим голосом произнесла Ксюша.

– Чё там еще?

– Где?..

Миша непонимающе шарил глазами по звездно-полосатому (от чернильно-черных облаков) небу.

– Да вот же!

– А-а! Ух ты! – простодушно громко воскликнул Леха. На него зашипели. Теперь увидел и Миша: на верхушке одной из прожекторных башен мертвенно-бледно, напоминая о приведениях и всякой иной «ужасти», дрожали светящиеся точки...

– А... эти, – вспоминая, напрягся Миша. – Огни святого... Эльма, что ли? Не помню... Странно, откуда они у нас?..

Вдали громыхнуло. Вот откуда, подумал Миша и решил было выдать свою теорию, но тут вмешалась Ксюша:

– Не знаю, какого такого святого, но у меня по этому по-

воду возникла одна мыслишка...

И старушку понесло.

– Все это началось тысячи лет назад. Стадионы ведь возникли не сейчас – взять хотя бы Грецию, Рим... главное, что схоже у всех стадионов, Колизеев и тому подобных строений – это то, что здесь собираются вместе тысячи людей, чтобы выплеснуть энергию. Психическую энергию. И чаще всего – отрицательную – агрессию, жестокость, чувство толпы, стадности...

– Да ладно, чувство толпы бывает и на дискотеках, – попытался было возразить Миха, но даже сквозь мрак «увидел» бесконечно снисходительную Ксюшину мину.

– Так смысл-то не в этом! Для чего я вас с дискотеки сюда затащила, спрашивается?!

– О, хороший вопрос! Посмотрим, как справится с ответом на него игрок под номером один, – пародируя известного ведущего не менее известного телешоу съязвил Борис.

– Посмотрите, на что это все похоже? – Ксюша встала с травы и хозяйским жестом указала на трибуны. Ее черный силуэт неплохо вписывался в эту, почти мистическую обстановку.

– На руины замка графа Дракулы, – не задумываясь, ответил Миха.

– Фиг вам! – обрадовалась Ксюша. – Ни на какие руины это не похоже, то есть, может, и на руины тоже, это и есть руины – уже сто лет не ремонтировался, но самое главное –

на что?

– На жопу негра, – меланхолически изрек Леша, на секунду прервав свое музыкальное бормотание. Все заржали было в голос, но быстро опомнились и стали сипло сотрясаться, словно стая гиен над трупом зебры.

– И ты, козел-предатель, – сокрушенно сказала Ксюша. – Ладно, братцы-алкоголики, оглянитесь внимательно – это же «тарелка», антенна! Ну, вроде спутниковой! По телику как-то показывали – где-то в Южной Америке есть такая здоровенная «тарелка», прямо в горы вкопана, я как увидела, сразу про этот стадион подумала...

– Ну, ты, мать, даешь... – ухмыльнулся Борис.

– Женщинам нельзя смотреть канал «Дискавери», они неадекватно реагируют на научно-популярную информацию, – философски заметил Леша и снова что-то запел себе под нос.

– Это антенна, – продолжила Ксюша. – И ее назначение – собирать и передавать наши эмоции куда-то вверх, в небо. В космос...

– Американцы, сволочи, через спутники-шпионы воруют нашу психоэнергию, – недружелюбно проворчал Борис. – Знаю, это их рук дело. То-то у меня депрессия...

– Нет, это арабы. У нас воруют, а потом транслируют с минаретов, – возразил Леша и изобразил, как мулла с минарета нараспев кричит «Минтонс!». Получилось весьма натурально. Все дружно хрюкнули.

– Ребята, я серьезно! Я не знаю, кому эта энергия передается, но ведь действительно очень похоже! На стадионах ведь люди просто звереют! Где еще столько эмоций концентрируется, в мирное-то время?..

– А может, эта энергия передается не кому-то, а просто отводится от Земли? – подхватил тему Миха, которому идея почему-то понравилась. – По принципу заземления или там громоотвода. То есть стадионы у нас вместо предохранителей. Устала, Земля, мать наша, вот и стравливает все это в космос помаленьку...

– Так вот, ребята, – кивнув, торжественно заявила Ксюха, – это все была теория, а теперь практика.

Ксюха выдержала грамотную театральную паузу. Остальные терпеливо ее перенесли, ожидая продолжения. Ксюха продолжила.

– Про «моральных партизанов» слышали?

– Ча-во?! – раздалось со стороны Бориса. – Что это за новое извращение такое? Суперизошренное, как я посмотрю... Это ж надо – «аморальные партизаны» – покруче будет, чем «Армия любовников»...

– Дураки! – фыркнула Ксюша. – Моральные, а не наоборот! Они собирают все данные о нравственности человечества и хранят их на случай полного краха морали...

– А после ядерной войны они вылезут из канализации и будут отучивать оставшихся в живых приматов от всяческих гадостей и приучать к правильной супружеской позиции... –

задумчиво изрек Борис, чем вызвал тихую бурю восторга в виде неприличного хрюканья и повизгивания.

– Ты что-то сказал по поводу канализации?.. – заинтересовался Миха, решивший вдруг поделиться своими недавними наблюдениями, но тут в темноте трибун раздались глухие голоса, и все, не сговариваясь, упали навзничь, распластавшись на траве, и напряженно замерли. По полю небрежно пробежал луч фонарика, не обнаружив ничего аномального, исчез. Голоса стихли.

Переведя дух и снова приняв удобные позы, продолжили разговор.

– И при чем тут стадион, спрашивается, – с легкой иронией спросил Миха.

– Так слушайте же, – невозмутимо продолжала Ксюха. – Самое интересное: с этими «партизанами» у мэрии заключен реальный договор на обслуживание каких-то подземных коммуникаций, только называют они себя в договоре, конечно, иначе... Какое-то ООО или ЗАО...

– Так вот это кто офисы в канализации устраивает! – с удовлетворением резюмировал Миха. – Так и запишем: наше дерьмо теперь наконец инвентаризовано и выгодно реализовано...

– Фу, Миха, ну ты и выдал, – скривилась Ксюха. – Совершенно неаппетитно. Как ты не понимаешь, их цель – хранить нашу мораль!

– Вот-вот, и место наконец нашли ей достойное...

– Кстати, слышали про «истребителей машин»? – раздался новый голос, и Миха не сразу понял, что это – нарушивший добровольный обет молчания Леха.

– Ну, конечно, кто про них не слышал... – сказал Миха.

– Это ж неформалы какие-то на роликах? – подал из темноты реплику Борис.

– А скажите, пожалуйста, с чего это вдруг какие-то неформалы занялись целенаправленным уничтожением машин, причем не всех, а по какому-то определенному принципу отбора? – гнул какую-то свою линию Леха.

– Да с чего ты взял, что целенаправленным? – пренебрежительно отмахнулся Борис. – Это же малолетки, у них серьезных целей-то – выпендриться и невинность потерять... И вообще, к чему это ты клонишь?

– Леша прав, – вмешалась Ксюха. – Все не так просто. Эти моралисты с роллерами только часть того бардака, что сейчас в городе творится...

– Перед выборами, что ли? – проявил осведомленность Борис.

– Возможно, и перед выборами, хотя у нас в мэрии уже давно о всяком эдаком судачат. Вы ж знаете, папка у меня – консерватор, не верит во всякие... ну... паранормальные явления, «барабашек», как он говорит. Но иногда за ужином нет-нет да и ляпнет такое, что сам потом краснеет. У них на планерках такие темы поднимают – закачаетесь!.. Вызовут, например, на ковер и как сказанут... Что, говорят, Нико-

лай Иванович, асфальт у вас на кольцевой вздыбился? Дык, дерьмово укладывали, господин мэр, отвечает папаня. А мне кажется, продолжает мэр, проверить надо сей участок на некропатическую активность. Прикиньте? Сглазил, говорит, кто-то нашу кольцевую. А папка стоит и кивает: в натуре, мол, сглазили, еще и асфальта половину сперли при укладке и рабочих споили на фиг... Надо, говорит, дьяка прорабом сделать и катки освятить...

– Ну а стадион-то тут при чем? – нетерпеливо перебил Миха.

– А еще говорят... – Михе вдруг почудилось, как в невидимых в темноте глазах Ксюхи появились игриво-зловещие огоньки. – А говорят, например, что стадион этот – приемник темной магической энергии...

– Ах, вот почему мы здесь, ап... – обрадовался было Борис, но Ксюха закрыла ему рот ладонью и продолжила:

– И каждую ночь, точно в это время, стадион оцепляет охрана, а сюда вот, на это самое место приходит мэр, ложится на травку и ровно час лежит, раскинув руки: на звезды смотрит. Энергией напивается. На город ее направляет...

На несколько секунд воцарилась пауза.

– Э-э... Хе-хе... Фигня какая... Ну и где же мэр? – с обычным сарказмом, но как-то натужно спросил Борис.

Миха инстинктивно приподнялся на локте и огляделся. Леха продолжал лежать и задумчиво созерцать звездное небо.

– А мэр только что умер, – спокойно ответила Ксюха.

Новая пауза, едва зародившись, тут же прервалась громким «иком», произведенным обалдевшим от новой информации Борисом, очевидно, вместо изумленного «Как?!».

– На сегодня стадион свободен, – продолжила Ксюха.

На всеобщее «э-э-э?...» она ответила:

– Отец позвонил на мобильник, когда мы на дискотеке были. Их всех на срочное совещание вызвали. Автокатастрофа.

– Это «истребители машин»? – быстро спросил Миха, почувствовав смутное осенение.

– Да, так предполагают... А откуда ты... – слегка напряглась Ксюха. – Хотя не ясно точно... И вряд ли умышленно...

– М-да, не помогла космическая подзарядка... – неуютно озираясь, протянул Борис.

– Кому не помогла? – скучающим голосом полуспросил Леха.

– Бр-р!.. Не понял. Уточни! – потребовал Миха.

– Ну, мэру, скажем, не помогла, а тому, кто заряжал...

– Все, хватит кошмариков на сегодня, – решил Миха и встал с газона, отряхивая джинсы, – сваливаем. На горшок и спать...

– Мать-перемать... – помогая подняться Ксюхе, глубоко-мысленно добавил Борис.

...В общем, это так и запомнилось бы просто как забавное приключение из тех, что в изобилии приносят дружеские попойки, если бы Борис вдруг не выкинул очередную свою ду-

рацкую штуку...

Уже уходя, он вдруг обернулся и, рухнув на колени, воздел руки к небу и неприятно серьезным голосом запричитал:

– О Великий и Ужасный Железобетон! Этой звездной ночью ты открыл свою тайную суть недостойным и к тому же нетрезвым студентам и начинающим трудоголикам! Сейчас мы возлежим на твоём... не знаю чем... в час, когда ты спишь, насытившись психоэнергией неразумных футбольных болельщиков... И мы снимся тебе, как нам снятся всякие эротические барышни, и когда ты проснешься, мы растворимся, как будто нас никогда и не было... отныне мы будем верно служить только тебе, о Железобетон, потому что мы – не более чем твои туманные сны... – и Борис рухнул лицом в траву, конвульсивно дернулся пару раз, изображая агонию. Перевернувшись на спину и приподнявшись на локтях, он с видом великого актера закинул ногу на ногу.

– Ну, как вам такой вариант?

– Эх, брат, как тебя, однако! – слегка опешив, сказал Миха. И даже Леша, остановив бесконечное бормотание себе под нос, недоуменно повернулся к Борису.

– Зачем ты так шутишь?! – загробным голосом выдавила из себя Ксюша. – Откуда ты можешь знать, куда он передал твои слова?

– Расслабьтесь, чего вы на меня уставились, как Ленин на контрреволюцию? Я просто развил Ксюшину мысль. По-моему, красиво получается – Великий и Ужасный Железобе-

тон! А что, я ему теперь поклоняться буду! Футболисты ведь играют в честь него свои ритуальные игры! Прямо как индейцы в честь этих... Вицлипуцли, или там Кетсаткоатля!

– Ну, ты трепло, Борис! – покачал головой Миха.

– Дурак он, а не только трепло! – сердито сказала Ксюша. – Я им про Фому, а они мне – про Ерему!..

Начинало светать, и смысл разговора растворился в наступающих буднях...

ПЕРВЫЙ СОН

– В общем, завтра в полвторого у дворца. Напоминать, чтобы не опаздывали, надо? Гена, это тебе персонально! Касеты, запасную батарею, чтоб не как тогда, посреди фестиваля... Тебе записать или тату на лбу сделать? Ну тогда, всем аривидерчи, до завтра... Да, Геннадий, камеру не забудь!

Мимо Светки уныло пробрели остатки разбитой телевизионной армии генерала Паулюса в лице долговязого оператора Гены, который с камерой на плече, штативом под мышкой и в бейсболке поразительно напоминал отступающего фрица. Картину дополняли небритый водитель и тощая ассистентка.

Общее состояние было мрачное, граничащее с апатией. От темы предстоящего репортажа просто тошнило. Воняло от этой темы теми временами, когда с экранов сыпались тонны руды и центнеры с гектара вместе с генсекком и иными официальными лицами... Тьфу! Чего ради она только поступала на журфак? Чтобы лизать задницу мэру в каждом втором материале? Нет, ну редактора понять можно – мэр щелкает его по носу при каждом удобном случае. Оттого у Сергеича такое дурацкое выражение лица, синий нос и скошенные к переносице глаза...

«Да ладно тебе, Светка, это ты напрасно так про Сергеича. Он хороший в общем-то дядька, правда, накрепко отли-

тый в старой ржавой форме, и его уже не изменишь. Это беда поколения – любая власть вызывает у них оцепенение и рефлекторный ужас.

М-да... Это все, конечно, замечательно, но с этой лажей пора заканчивать. Уже несколько вполне готовых и достаточно актуальных репортажей попросту сгнили, не дождавшись эфира, а света в конце тоннеля не видать. Как не видать с таким собственным имиджем нормального канала.

Скандал нужен, вот что. Хороший такой скандальчик. Сенсация, как ни пошло это звучит. Нужен такой матерьяльчик, который «схватает» любой канал... Вот, например, эти истребители машин, как они себя называют... Чем не тема? Вполне можно развить... вот только позвоним кому надо. Как говорится, информация за информацию...»

...Светка курила, рассевшись на широком подоконнике. В запахнутое окно тянуло сквозняком, будто бы ветер нарочно старался не выпустить на свободу сигаретный дым.

Там, снаружи был настоящий мир. Совсем не тот, что создавался здесь, внутри телецентра. Сначала болезненный, остекленевший взгляд телекамеры, судорожно выхватывающий самую патологическую сторону происходящего, затем дымный смрад монтажной, затем казенный голос диктора – и вот, живой и прекрасный мир превращается в свое уродливое отражение на экране телевизора.

И многие думают, что мир в телевизоре и есть самый что ни на есть настоящий... Им просто лень выйти за дверь и са-

мим оценить настоящую красоту. Ведь телевизор, к счастью, не может исковеркать НАСТОЯЩЕЕ.

– Здоров, Свет. – Мимо уха в пространство выдвинулась жилистая рука в широченном рукаве. На запястье висели гроздь цветных ремешочков и веревочек, указательный палец щелкал по сигарете, стряхивая пепел.

– А, Игорь, привет, как дела?

– А как? А все так же. Монтируем.

– Чего монтируете?

– Да, заседание в городской Думе... Матюки вырезаем и слова-паразиты... А без них смысла никакого не получается. Уже башка трещит...

– А... Искусство в большом долгу.

– Так вот то ж...

– Ой, ребят, сигарета есть? Только быстрее!

– Хай, Викуся! Ты чего суетишься?

– Да, эфир же, эфир! Ну, дайте покурить, пока реклама идет!

– Да что с тобой? Какая-то ты нервная сегодня.

– Да, Свет, и не говори... Гостей каких-то наприглашали... Дебилы. Вообще невозможно с ними разговаривать. Как бы «на ковер» не вызвали... Игорь, ты со мной? Пока, Свет!

– Счастливенько...

Светка крутанулась на подоконнике и свесила ноги наружу. Внизу было пять этажей телецентра, этого вместилища творчества и профессионализма вперемишку с конъюнкту-

рой и бездарностью. А еще внизу был свежий ветер. Сверкала вода прудов и зеленели ивы. Куда-то бежала полоска асфальта, а по ней с гиканьем неслась на роликах разноцветная стайка подростков...

В небо, словно след улетающей ракеты, уходило тело тельешки.

Башни соседнего стадиона щекотали пузатые облака.

Парадокс заключается в том, что всей этой красоты никто не увидит. Если Светка ее не запечатлеет в сюжете, не объяснит зрителю: то, что он видит, – это именно красота, а ничто иное...

Окурок полетел вниз, сквозь свежий ветер, мимо талантов, профессионалов, конъюнктурщиков и бездарей, прямо на земную твердь.

На бетон.

Светка развернулась и легко спрыгнула с подоконника.

Итак, нужна идея.

...Борис выглядел потерянным, что для него было в общем-то нетипично. Он непонимающе оглядывался по сторонам и потирал лицо бессмысленными движениями ленивца. И сидел он на краешке стула так, что даже смотреть на него было неудобно.

– Что-то ты, старик, не в духе. Пиво будешь? – Миха с сомнением разглядывал полупустую пластиковую бутылку пива, теплую, как грелка.

Борис кивнул. Разлили по чашкам глухо шипящую жидкость с пеной, словно в стиральной машине. Пили без удовольствия.

– Так, что стряслось? С работы наконец выгнали?

Борис неопределенно махнул рукой.

– Так, ерунда всякая...

– Ну-ну... – Миха с безразличным видом хлебнул из кружки и скривился. – Вот гадость-то!..

Борис автоматически прихлебывал из кружки и тупо пялился в окно, где моргала какая-то электронная надпись.

– Все, старик, произвел впечатление, красавчик. Убедил. А теперь колись, что за дела...

– Ну... как тебе это сказать... – замялся Борис и нервно хохотнул. – Честно, фигня какая-то...

Миха молчал и скептически рассматривал содержимое кружки. Бормотания Бориса он игнорировал. Борис нерешительно посмотрел на Миху и заговорил:

– Ладно, слушай. Это... ну, помнишь, на стадионе... прикалывались мы тогда...

– Да, ты прикалывался, как же, помню...

– Помнишь, я еще в шутку поклялся... ну... это... служить типа стадиону...

– Железобетону, – напомнил Миха, – Великому и Ужасному. Как такое забудешь...

Пена в кружке пока интересовала его больше, чем рассказ Бориса. А сам Борис был какой-то грязный, оборванный, но

как-то, если можно так выразиться, «стильно» оборванный. Можно сказать, «оборванный целенаправленно», будто он куда-то упорно лез через узкую-узкую щель.

– В шмотках ты родился, хотя и трудно выходил, как я погляжу, – неуклюже пошутил Миха.

Борис, скривившись, отмахнулся и начал рассказ:

– Так вот, сегодня это все произошло. Ну, нет, ты не поверишь! Короче, иду я с универа мимо общаг. Ты знаешь, там у пруда строят что-то... Ну, накидано строительного мусора – кирпичи там, плиты. Я вообще-то таким путем и не хожу, но вот дернул черт... Вот я и иду, вокруг шум нарастает, грохот, какой-то стук – стройка, в общем. Прохожу мимо здорового такого штабеля бетонных труб – и тут прямо перед носом проносится что-то здоровенное (а пылица поднялась, я и не понял сразу, что это было, – а был это, наверное, ковш экскаватора). Ну, я, конечно, чуть в штаны не наложил – метнулся в сторону, как раз между штабелями... Думаешь, на этом все закончилось? Как бы не так! Только я стал дух переводить, как за спиной что-то глухо так стукнуло – я поворачиваюсь – ну, триллер, ей-богу: этот самый штабель с трубами на глазах разваливается и заваливает проход, через который я в эту нору и влез! Не знаю, может, трубы тем самым ковшом задело. Чего ты ржешь? Я секунду назад в этот проход залазил! Из меня же могло «биг-мак» сделать! Ага, и это не все! Ну, пылица, ни хрена не видно, я на ощупь полез искать выход... И как-то тайком, понимаешь, хочется вылез-

ти, чтобы не позориться... Хотя такое ощущение было, будто на стройке вообще я один (грохот грохотом, экскаватор экскаватором, а людей-то я не видел)...

Ну, да, смейся-смейся, а я минут двадцать пытался найти выход, и ничего не получалось. Вокруг плиты штабелями, груды кирпичей, мешки с цементом – и главное, все сложно так, что перелезть нельзя в принципе – все это нависает над головой, и такое ощущение, что сейчас грохнется! Я попытался было вылезти по кирпичам, но один выскочил, ряда два осыпались. Я еле успел ногу выдернуть! Вообще, такое возникло ощущение, будто всю эту кучу специально собирали, чтобы сделать идеальный каменный мешок, знаешь, как полосу препятствий для спецназа. И тут я заметил, что звука стройки я не слышу. Точнее, вообще ничего не слышу – абсолютная, ватная тишина!

Эта тишина меня и добила. Такого ужаса я никогда не испытывал. Короче, у меня случился приступ клаустрофобии. Не поверишь – настоящая истерика! Только никому не говори, пожалуйста, будь другом...

Самое главное, я умом-то понимал, что ничего особенного не случилось, и ужас под собой не имеет никакого основания. Только потом я как-то осознал, что ХОТЕЛ ИСПУГАТЬСЯ, что ждал этого ужаса давно, и вот наконец-то повод!.. Не смотри на меня, как на идиота – ты сам из меня все это вытянул.

Так вот. Вместо того, чтобы позвать на помощь или по-

звонить по мобильнику... блин! У меня ведь был сотик с собой – только сейчас вспомнил! Где он? Вот, мля!!! Потерял, маза-фака!.. Ну и хрен с ним!.. Короче, я полез еще дальше в этот лабиринт – слушай, это в натуре выглядело, как лабиринт! Где-то я споткнулся и скатился вниз, в какой-то котлован – подземный, блин, гараж буржуйам роют... ага, там было еще и темно... Называется, почувствуй себя подопытной крысой! Причем я уже не осознавал, зачем и куда лезу – натуральная паника, как на «Титанике»!

(...Мимо глаз плиты, трубы, мешки-кирпичи, арматура, бетономешалки, балки, кучи песка, битое стекло... Черт, откуда здесь такие расстояния? Снаружи ведь небольшая совсем стройка!.. Но почему?! Почему именно со мной?! И что это со мной? Куда я бегу? Где я?!.)

– Я не плююсь, прости, случайно... Короче, на пике всех этих мерзких ощущений, стал я залазить куда-то вверх по торчащим из плит арматуринам. Это надо было видеть! Высота-то небольшая – метров пять... Но падать – только на торчащие ржавые железные штыри. Короче, долажу я до верхней плиты, держусь за два штыря и медленно так подтягиваюсь. Ну и перед глазами появляется то, что снаружи...

(...Не хватало только страшной музыки. А так это выглядело точно, как в кино. Сначала из-за плиты показались четыре неопрятных столба, которые постепенно оформились в огромные ржавые башни, а следом вылезли знакомые, но совершенно чужие и враждебные в этом контексте трибу-

ны, покрытые цементным налетом... Словно субмарина-призрак, из бетонной плиты всплыл Стадион...)

– Я чуть не заорал! Чуть руки не разжал! Я сразу вспомнил про ту ночь на стадионе, и про то, как я хохмил по поводу всех этих теорий... Это был настоящий суеверный ужас! Я не мог сдвинуться с места, ни вверх, ни вниз! Я только оцепенело смотрел на этот чертов стадион. Ты знаешь, что я подумал? Я серьезно подумал, что Великий Железобетон решил проучить меня за мое хамство! И знаешь, что я сделал, вися над эти проклятым котлованом и пялясь на этот... Знаешь?! Я прочитал молитву! Ту самую, что тогда, в темноте... Только на этот раз, на полном серьезе и будучи преисполненным искренней веры в силу Железобетона! Что, псих я? Скажи, псих?..

Потом, ты думаешь, я вылез наружу, поскольку уже долез доверху? Не-ет! Я понял, что это место не для выхода, а для УЖАСА перед Великим Железобетоном! Поэтому я медленно слез вниз и пошел обратно. И совершенно преспокойно вышел через проход между штабелями. Готов поклясться, не было там никакого прохода! Или в этом своем психозе я его просто не заметил.

Как только вышел оттуда, то офигел с самого себя – что это вообще было?! «Белка» – так не с чего, и психов в роду вроде не было. Смотрю на стадион – стадион как стадион... Хотя... Ну, что скажешь? К психиатру наведаться, а?

– Выпить пива, – предложил Миха. Рассказ был забав-

ный, даже для известного хохмача Бориса. – Ксюхе не рассказывал? Ей понравится – к ее теории добавится еще больше практики.

– Ксюхе? Ха! Это из-за нее у меня чуть крыша не поехала! Это ж надо так внушить такой бред... Хотя мне все равно... А пиво – дрянь, если честно. Давай я сгоняю...

Борис после своих откровений явно повеселел, хотя в том, как он вдруг засуетился, было что-то нездоровое...

Парень был совершенно обычный. Не чувствовалось в нем какой-либо особой агрессии либо того, что выглядит «понтами» с уголовным оттенком и трудно скрывается какой-либо иной маской. Пацан как пацан, точно такой же, как и сотни других подростков, считающих себя «экстремалами», хозяевами улиц и не расстающихся со скейтбордами, горными велосипедами и даже спящими в роликовых коньках.

Конечно же, именно они – хозяева улиц, так было всегда, в других, конечно, формах, так есть и так всегда будет. Аминь, как говорится.

Но именно эти обычные ребята и совершают то, что, вызывая изумление и даже восхищение, все же наказывается Уголовным кодексом.

Размышляя подобным образом, Следователь изучал предварительные материалы дела, время от времени поглядывая на паренька, который уже слегка оправился от пережитых ощущений погони, знакомства с любезностью группы захва-

та и часами, проведенными в одиночной камере (дело представлялось достаточно серьезным, чтобы не кидать мальчишку сразу на растерзание в компанию к уголовникам).

Но то, что называется профессиональным чутьем, подсказывало – все эти выходки выходят за рамки понятия простого подросткового хулиганства.

Кабинет следователя прокуратуры не оказывал на «клиентов» столь негативного воздействия, как, скажем, отделение милиции, и паренек вскоре расслабленно развалился на стуле, трогая, морщась, свежий синяк на скуле и вызывая у Следователя даже легкую зависть к своим адаптивным способностям.

– Ну, так и кто придумал столь интересное развлечение – устраивать аварийные ситуации на улицах, бить чужие машины? – Следователь говорил мягко, с некоторым даже участием в голосе.

– Да никто не придумал, – шмыгнув носом, с невинным выражением лица отвечивал паренек, что, помимо имени Леонид Кривков, проходил по этому делу еще и под кличкой Линк (то, что теперь принято называть «ником» или «погонялом» – на выбор). – С чего вы взяли? Мы вообще не собирались ничего нарушать, просто дорогу переезжали. Это все случайно получилось...

Такой же ответ дали его дружки, под «погонялами» Банан и Стерва. В редких случаях, когда после «истребительного» акта удавалось «добыть» неуловимого роллера, ДПСни-

ки получали исключительно аналогичные ответы. Было очевидно, что все «истребители» научены отвечать подобным образом. Но кем?

– И сколько раз, скажем, за месяц ты переходил дорогу с такими результатами?

– О чем вы? – искренне изумился подследственный. – Мы вообще катаемся только по тротуарам, да там, где покрытие получше или место поинтереснее. Ну а дорогу-то ж тоже надо где-то переходить. Честное слово – это случайно случилось...

– А кого еще из «истребителей» ты знаешь? – не отрывая глаз от «дела», спросил Следователь и внутренне напрягся – это была провокация. Но Линк не повелся.

– Кого? Каких истребителей? А кто это? – живо заинтересовался Линк, и Следователь понял, что пошел не тем путем.

– Вы всегда катаетесь втроем? – Следователь решил изменить тактику.

– Да нет... Когда как... Просто ехали вместе... В одно место... – ответил Линк и вдруг как-то неуверенно заерзал, будто сболтнул лишнее.

Следователь сделал вид, будто ничего не заметил и продолжил:

– Ты знаешь, что в аварии, которую вы устроили, погиб человек?

– Не-ет... – протянул подследственный. Похоже, эта информация стала для него неприятным сюрпризом.

– И что этот человек – мэр нашего города? – продолжал Следователь. Линк все больше вжимался в свою необъятную куртку, становясь похожим на черепаху, стремящуюся спрятаться под панцирем. Следователь решил, что подал информацию вовремя.

– Ты знаешь, что это – неосторожное убийство из хулиганских побуждений, что тебя будут судить и, возможно, отправят в колонию? – продолжая нажимать, Следователь решил не стеснять себя тонкостями квалификации состава преступления – главное, чтобы пацан заговорил.

Линк часто зашмыгал носом и непонимающе уставился на Следователя.

– За что судить? Это же все случайно получилось... Я же говорю... Мы просто дорогу переезжали...

Мальчишка продолжал плаксиво бормотать что-то. В этот момент открылась дверь, и в кабинете появился практикант, принесший материалы по «истребителям» за текущий период. Назревал удачный момент для того, чтобы «выдернуть табуретку» из-под задницы подозреваемого.

– Что тут у нас, ну-ка... М-м... смотри-ка сюда. Вот интересная схемка: слева перечислены модели и количество машин, попавших в аварию в течение месяца. Справа игрушечные машины аналогичных моделей в тех же количествах. Интересно, да? Последние были найдены вдавленными в новое асфальтовое покрытие на окраине города. Представляешь – вдавлены дорожным катком! На восемьдесят процен-

тов модели и их количество справа и слева совпадают. Посмотри на эти фотографии... А оставшиеся двадцать процентов – это среднемесячная норма аварий в нашем городе...

– Что это еще за игрушки? Не знаю я ничего! – отрешенным взглядом шаря по стенам, забубнил подследственный. Настало время для сюрприза.

– А сегодня в свежем асфальте прямо напротив твоего подъезда... – Следователь сделал многозначительную паузу, не отрывая взгляда от Линка, – мы нашли вот что...

Следя за реакцией Линка, Следователь поставил на стол перед ним облепленный асфальтом игрушечный «вольво». Точно такой же, в каком погиб мэр, когда его водитель уводил машину от неминуемого столкновения с роллерами.

Реакция Линка превзошла все ожидания. Правда, была не совсем той, что предпочел бы Следователь.

– Нет... Этого не может быть, – безумными глазами глядя на игрушку, захрипел мальчишка. – Откуда это? Перед моим домом? Зачем?.. Как?.. Кто?.. – Словно ища совета, Линк смотрел на Следователя... – А-а-а... Вы решили посадить меня... За что? Что я вам сделал? Я хочу позвонить домой!..

Следователь со смешанным чувством смотрел на Линка. Было очевидно, что идея практиканта (черт, умный парень, надо его оставить у себя!) сработала. Теперь совершенно ясно, что Линк и его друзья связаны с этими странными жертвоприношениями (что это именно жертвоприношения, Следователь тоже не сомневался). Но также ясно, что ни Линк,

ни Банан, ни Стерва говорить больше ничего не будут. Доверие, необходимое для продолжения следствия, подорвано. Серьезных оснований для передачи дела в суд нет, да и задача-то не малых этих засадить, а выяснить, кто стоит за всеми этими бредовыми авариями? Следователь был уверен, что упорным и целенаправленным движением десятков роллеров должен кто-то управлять. Кто-то придумал эту дикую игру, которая, вовлекая все новых участников, вполне способна дестабилизировать ситуацию в городе. Уже сейчас среди водителей, особенно таксистов, поселилось нездоровое беспокойство. Народ уже боится пользоваться общественным транспортом. Очень похоже на растянутый во времени террористический акт... И без Службы тут не обойтись...

Короче, надо отпускать малолеток под подписку о невыезде и устанавливать оперативное наблюдение. Оснований для этого уже более, чем достаточно.

...Выписывая пропуск, Следователь подумал о том, что уж слишком много странных движений стало происходить в некогда тихом городе в последнее время. Взять, к примеру, мэра, царствие ему небесное. Может, правду говорят, может, нет, но призывать на помощь муниципалитету нечистую силу... Ничего вроде криминального, но странно... И странно ведет себя прокурор, заминая вылезавшие из всех щелей странности...

...Во всяком случае, если странности не выходят за рамки УК, мне на это наплевать, размышлял Следователь, направ-

ляясь домой по мокрой после недавнего дождя улице. Жаль, конечно, что нас, нормальных людей, становится все меньше, и скоро все остальные окончательно сдвинутся, поделятся на секты и вовсе перестанут понимать друг друга.

Рассуждая таким образом, Следователь подошел к своему двору и, сдвинув на покрытый лужами тротуар крышку люка, с кряхтением спустился домой.

– Что это такое?! Ты, наверное, шутишь, Светлана? Что это за темы ты мне предлагаешь, черт возьми?! Что это за массовый психоз на стадионе? Что это за непонятные подростки на роликах? Что за... Я даже не понимаю, о чем вот это вот!.. Мы не развлекательная молодежная программа, мы серьезный информационный канал! – Сергеич был просто в бешенстве и метался по студии, как пятно света от прожектора по тюремной стенке.

– Но это... – попыталась было вставить Светка, но тут же на нее обрушилась новая порция громов и молний.

– А мэр?! Я просил тебя не лезть сюда?! Кто тебе сказал, что это устроили какие-то мальчишки? Читай официальную версию: «водитель „КамАЗа“ в нетрезвом состоянии не справился с управлением...» И все! Баста. Не трогать эту тему!

– Но ее все равно тронут! – разозлившись, воскликнула Светка и замолчала под тяжелым взглядом Сергеича, чувствуя себя закипающей скороваркой.

– Я понимаю твоё стремление к самовыражению, но и ты пойми, – нарочито спокойно продолжил Сергеич. Сбежавшиеся было на шум бездельники из операторской потоптались за стеклом, делая вид, будто просто мимо прогуливались, и исчезли. – Сейчас ситуация такова, что судьба канала на волоске. Ты знаешь, какой «интересный» человек был у нас мэр. И потому перемены в руководстве неизбежны. Насколько эти перемены коснутся нас, зависит и от того, поддерживаем ли мы его... гм... странности.

– Так почему же раньше, когда эти «странности» были у нас легализованы, мы отмалчивались?

– Я же сказал. Потому что перемены неизбежны. – Сергеич с явным усилием водрузил на лицо маску спокойствия. – А канал должен работать всегда – при любом мэре ли, секретаре ли обкома, диктаторе ли Пиночете. Ты понимаешь мою позицию? – Сергеич почти ласково смотрел на Светку. И глаза его были мудрые-мудрые...

Светку вдруг замутило...

В коридоре к Светке подошел Игорь, монтажёр.

– Чего, пузырится Сергеич?

– Не то слово. Не нравится ему мой материал. То скандально слишком, то неформат...

– А... Понятно. Пойдем покурим?

Курили, наблюдали, как ругаются внизу водители телекомпании: не поделили место на парковке.

– Сергеич все так же непробиваем? Жалко. А то я хотел

тебе пару тем подкинуть. Вот, держи кассету. Послушай, о чем в мэрии судачат. Закачаешься. Только я тебе ничего не давал.

– Ну, ясное дело... Спасибо. А что там?

– Посмотри. Сама поймешь.

«...План раб. на неделю.

1. Мэр. «Убийство или несчастный случай?» Здесь осторожно. Не соваться в дерьмо, оно не завоняет. Узнать про роллеров. NB! Влезть в тусовку, потереться с «тинами».

2. Отсюда – тема «истребителей машин» – может, сюжет про экстремалов? Расследование (а-ля «Секрет. материалы»? Интервью, скрытая камера, откровения со спины, динамичная нарезка, музыку подобрать... Лешку или Генку? Лешка молодчина, но язык без костей, пятьдесят на пятьдесят растреплет боссу. Генка слегка тормозит... Толика? Толик – только за бабки... Хотя да, Толик. У него своя камера и доступ к «монтажке» у конкурентов. Как-ниб. заинтерес...

3. Диггеры. Или как их – «партизаны?» Узнать, кто такие, в каких подземельях обитают, чего от жизни хотят. NB! В один блок с роллерами.

4. Возня вокруг стадиона (???)

5. Дорожные аномалии.

(Материала на неск. передач. Тематическая серия? Кому продать? (!))

6. Исход бомжей (расслед.).

7. Стая... Допустим, так: «...Они не любили друг друга. Те, что обитали во дворах, ненавидели пришельцев из скверов и парков. Те, что вылезли из подвалов, ненавидели чистюль с бульваров и улиц. Все они вместе, до дрожи в хвостах и лапах ненавидели мелких мяукающих тварей, которые отвечали им взаимной ненавистью. Крылатые твари боялись и ненавидели как мяукающих, так и лающих, а также серых, с тонкими голыми хвостами, что, в свою очередь, в одних пробуждали страх, а в других желание накинуться и сожрать их, вместе с хвостами и серой шерстью...

Это была странная Стая. Огромная и невозможная по своему составу. Она собиралась на окраине ближе к сумеркам и, когда окончательно темнело, всей своей дикой и бессмысленной массой устремлялась в сторону заходящего солнца, по направлению к новой городской свалке.

Назад она не возвращалась. Новая стая собралась на закате следующего дня и устремлялась прочь из того большого места, где уже нельзя жить...

Что-то в этом роде. Посоветоваться со специалистами. Может, в городе не то что-то с экологией?..»

* * *

...Провожая взглядом исчезающих в траве крыс, Корне-

люк подумал, что пора бы поторопиться с кабелем. А не то окончательно стемнеет, и тогда уж хрен его найдешь.

– Ну, что там со светом?! – сквозь грохот компрессора едва донесся истошный ор прораба. Прораба окружала немногочисленная комиссия из муниципалитета.

Корнелюк поднял руку с оттопыренным большим пальцем рукавицы, в смысле – «порядок».

Когда вспыхнул прожектор и тускло засветили лампы в решетчатых оправах, стало ясно, что история повторяется. Асфальт, нормальный в общем-то (хотя между нами – девочками, он был бы немного получше, если бы строители жили немного похуже), так вот, этот самый распроклятый асфальт на всем участке вспучило, словно чернозем, по которому прошлись с плугом.

Прораб секунду постоял, полюбовался на открывшуюся картинку и следом произнес роскошную, без единой паузы, в минуту длиной матерную сентенцию. Он был совершенно прав. Именно так и обстояло дело.

– Геофизиков бы сюда. С почвой проблемы, – выразил свое мнение Корнелюк.

– Проект освящали? – не обращая внимания на Корнелюка, поинтересовался принимавший работу специалист из муниципалитета. Новая нецензурная конструкция, сооруженная прорабом, послужила ему ответом.

– Короче говоря, так, – ничуть не смутившись, продолжал специалист. – Сюда дорога не пойдет. Не хочет. А куда, спра-

шивается, она хочет?

– Может, сюда? – ткнул пальцем в сторону близлежащего пустыря второй специалист. Пустырь был пустой. И ровный. Все оглянулись на высокого худощавого типа, видимо, состоящего в комиссии, но в своем несурзном плаще, на который ниспадали немытые кудри, больше напоминающего отставного хиппи. Тот скорчил презрительную мину.

– Тогда сюда! – решительно заявил первый специалист, ткнув пальцем в сторону пятиэтажки хрущевского типа. Худощавый одобрительно кивнул.

– Э, блин, – возмутился прораб. – А дом, а люди?

– Значит, так надо! – поучительно произнес третий специалист.

– Расселить людей – наша забота, – успокоил прораба первый.

– А ресурсы, техника, проект, наконец?! – закипел прораб. Корнелюк задумчиво раскачивал фонарь, наблюдая за тем, как мошकारа носится вслед за ним, не в силах поймать нужную орбиту.

– Где проект? – спросил первый специалист, после чего проект возник из темноты и тут же, словно скатерть-самобранка, развернулся перед ним на капоте прорабской «нивы».

– Где трасса? А мы где? Ага, вот, вижу. А вот вам и изменения в проекте, – достав «паркер», первый специалист решительно, словно Наполеон на карте сражения, нанес поверх

проекта несколько твердых штрихов.

– А подпись мэра? – набычившись, гнул свое прораб.

Горько вздохнув, главный специалист повернулся к «хиппи» и приглашающе кивнул. Долговязый возложил на проект костлявую длань, на секунду закрыл глаза и, открыв их снова, удовлетворенно кивнул. Проект исчез.

– За мэра, как вы понимаете, пока его заместитель, – сказал первый специалист.

– А ресурсы, ничего – изыщите, – пообещал второй специалист.

– Уверяю вас, если вы будете придерживаться новых изменений, проблем с ресурсами не будет, – доверительно сообщил первый. Третий специалист одобрительно и важно кивал.

Вскоре комиссия погрузилась в микроавтобус и уплыла в темноту.

Корнелюк потушил прожектор, оставив лишь тускло-желтые фонари, и направился к вагончику. Прораб молчал вслед удаляющейся комиссии. Какими выражениями он молчал, догадаться было не трудно.

Возле вагончика Корнелюк споткнулся о какую-то большую вонючую и бесформенную кучу. Куча взвыла и заметалась перед вагончиком. Оторопевший Корнелюк понял, что перед ним бомж.

– Ты что тут делаешь?! Ш-ш! Уходи! – зашикал на бомжа Корнелюк.

Бомж дикими глазами уставился на Корнелюка. От запаха резало глаза.

– Ну, чего тебе надо? Есть хочешь? – спросил Корнелюк. Ему стало жалко бомжа. Тот был старый и невероятно грязный.

Бомж молчал. Создавалось впечатление, что он не понимал, чего от него хотят. Не отрывая бессмысленного взгляда от Корнелюка, бомж поднес ко рту черную руку и что-то с хрустом откусил редкими зубами.

Корнелюка замутило: изо рта бомжа торчал длинный крысиный хвост.

Тут же со спины раздался шорох и рычание. Корнелюк подпрыгнул, как ужаленный, и обернулся.

К нему на четвереньках подбирались еще три фигуры в лохмотьях. В ту же секунду первый бомж медленно отбросил остатки крысы и с новым интересом осмотрел Корнелюка.

Корнелюк на секунду обмер, но тут же напрягся и выхватил из кучи строительного мусора ржавую арматуру.

– А-а! – заорал Корнелюк, вращая над головой арматуриной. – Па-ашли отсюда! А ну, пошли!

Бомжи выжидающе замерли на недостижимом расстоянии. Они и не думали уходить. И тут Корнелюк понял, что в их взглядах, движениях и позах нет ничего человеческого. Нахлынул ужас, и арматура задрожала в обмякшей руке. Бомжи словно почувствовали слабость и, издавая нечленораздельное мычание, стали приближаться.

Корнелюк заорал снова. Теперь уже от страха.

К счастью, на крик примчался прораб с лопатой. Недолго думая, он принялся награждать непрошенных гостей ударами плашмя. Провожаемые прорабскими матюками, бомжи скрылись во мраке.

Тяжело дыша, строители присели на трубу. Молча закурили.

Рабочий день кончился. Асфальт издавал не совсем типичные для него звуки, что-то вроде скрипа, потрескивания и осыпания. Через развороченную дорогу с отвратительным шуршанием проносились отставшие от Стаи крысы...

...Еще через час работы Миха наконец плюнул на все и отправился на площадку курить.

Все было как-то дико. Странная работа для сисадмина. Точнее, работа-то самая обычная – знай себе, поддерживай в порядке сеть (час в день для умелого человека), да и спи себе остальные семь часов, лазь по инету или книжки с экрана читай, а лучше – шабашь себе в карман помаленьку, благо, кто разберет – что там творится на твоём экране?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.